

Хань Хэн только успел налить себе чаю и сделать первый глоток, как почувствовал странный, ни на что не похожий вкус.

Собеседник неторопливо повернулся к нему. После столь изящного, манерного жеста Хань Хэн не удивился бы даже самому совершенному лицу, а потому и неописуемая красота юноши уже не произвела на него оглушительного впечатления.

Эпитет «ослепительный» обычно приберегают для женщин, но к этому мужчине иного слова подобрать просто не получалось.

Единственной странностью — завораживающей и пугающей одновременно — были его брови и длинные, густые ресницы. Белые как снег, они придавали облику Му Жаня потустороннюю, колдовскую чужеродность.

— Ну как? — прищурившись, спросил он. — Вкусно?

— Да... неплохо, — с трудом выдавил Хань Хэн с совершенно неопределимым выражением лица.

Аромат у напитка был густым и неописуемым, но пах он вовсе не чайными листьями, а благовониями.

— Надо же, какая утончённость, — мужчина прикрыл лицо широким шелковым рукавом. — Дин Му вчера перед сном жёг благовония, а я велел заварить их пепел. И тебе действительно нравится?

Хань Хэна мгновенно перекосило, а он едва не вылез из кожи вон.

Чай, который он только что проглотил, фонтаном брызнул изо рта, окатив этого странного типа с ног до головы.

Хань Хэн виновато усмехнулся:

— Прости, не сдержался.

Но не успел он попросить прощения, как мужчина истошно взвизгнул:

— Дин Му!

Дин Му со скоростью молнии принялся приводить в порядок одеяния своего господина, но суматоха затянулась почти на полчаса. Тем временем Хань Хэну наконец принесли

нормальный, настоящий чай, и он, устроившись в стороне, с вежливым безразличием наблюдал за разыгравшейся сценой.

Му Жань отличался хрупким и болезненным телосложением — он казался ещё более истощённым, чем сам Хань Хэн, однако в обращении с Дин Му сквозило откровенное кокетство.

— Не хочу это надевать, уродство какое! Смени на то, лазурное.

От вкрадчивых, заигрывающих интонаций, слетавших с уст мужчины с на удивление хриплым и грубым голосом, у Хань Хэна пробежал мороз по коже.

Дин Му мрачно процедил:

— Что велели, то и носи. А не нравится — ходи голышом.

— И позволить чужакам глазеть на моё великолепие? Неужели твоё сердце совсем не знает ревности?

Дин Му швырнул наполовину надетое одеяние на кушетку и порывисто поднялся, намереваясь уйти.

— Ну куда же ты? — капризно протянул Му Жань.

Он закинул ногу на талию слуги и без малейшего стеснения, прямо на глазах у ошеломлённого гостя, вскарабкался к нему на колени. Дин Му попытался его отпихнуть, и он мгновенно залился густой краской стыда.

— Наденешь наконец или нет?! — яростно прошипел парень.

— Надену, надену, только если ты сам мне поможешь. Мне так зябко... — Му Жань томно провёл ладонью по груди юноши, пряча пальцы в широком рукаве.

Хань Хэн невозмутимо пригубил чай. На этот раз ему подали превосходные Изумрудные спирали весны. Сделав пару неспешных глотков, он деликатно отвёл взгляд.

Кожа у этого человека была гладкой и нежной, словно шёлк — судя по всему, Дин Му ухаживал за ним с величайшим рвением. Голос у Му Жана, конечно, оставлял желать лучшего, зато бесстыдства и фамильярности ему было не занимать.

«Типичный искуситель из дешёвого борделя, ни стыда ни совести».

В прежней жизни Хань Хэн повидал немало подобных персонажей. Но те обычно вешались на богатых покровителей: ты мне шелка и золото, я тебе — ласки, честный и взаимовыгодный обмен. А этот Дин Му — всего лишь слуга, управляющий угасающей Башней Слушания Лебедей, да ещё и подрабатывающий привратником. Она давно пришла в упадок, неужели у их господина настолько пересохло в горле, что он готов бросаться на первого встречного подчинённого?

Хань Хэн усмехнулся и опустил голову, скрывая иронию.

— Дин Му, а ведь наш гость в душе презирает тебя.

Хань Хэн похолодел и замер, не в силах пошевелиться.

Му Жань хитро прищурился и покрепче обнял слугу за шею.

— Знаешь, о чём он думает? «Надо же быть таким слепцом, чтобы сохнуть по какому-то слуге!»

Дин Му помрачнел. Он даже не взглянул на Хань Хэна — лишь уставился на пригревшегося в его объятиях господина тяжёлым взглядом.

— Опять ты на меня злишься! А ведь когда этот господин только вошёл и увидел меня, он подумал: «Как земля носит столь неопишумого красавца?», а ещё вспомнил весёлые заведения, где бывал раньше. Скажи, если бы я не позвал тебя, вдруг он набросился бы на меня прямо здесь, на этой кушетке, и осквернил моё целомудрие? — Му Жань бросил на слугу обиженный и одновременно лукавый взгляд.

Дин Му медленно повернул голову к Хань Хэну.

— Я ни о чём таком не думал! — поспешно заверил Хань Хэн.

По его лбу покатилаcь капля холодного пота. Этот скользнувший по нему взгляд... Неужели Му Жань действительно способен заглянуть в чужую душу и увидеть картины из его прошлой жизни — неоновые огни, клубы и бары, которые так разительно отличались от этого мира? Хань Хэн не лукавил, когда говорил, что не замышлял ничего дурного, но то, что этот человек мог прочитать его сокровенные мысли, пугало до смерти.

— Как по-твоему, кому я поверю? Тебе или ему?

Хань Хэн заставил себя успокоиться и ровно улыбулся.

— И чему ты улыбаешься? Наш Дин Му невероятно силён. Ему ничего не стоит раздавить тебя, словно ничтожного муравья. Хочешь проверить?

Хань Хэн покачал головой, проигнорировав выпад Му Жаня. Вместо этого он прямо и открыто посмотрел в глаза Дин Му, стойко выдерживая его хмурый, испытующий взгляд.

— Дин Му, скажи на милость... Судя по тому, насколько хорошо ты знаешь своего господина, кто чаще разыгрывает окружающих — он их или они его? И кто кому чаще лжёт — он тебе или ты ему?

Эти слова явно попали в цель, заставив Дин Му усомниться.

— Дин Му! — Му Жань требовательно затеребил слугу за рукав.

— Опять принимаешься за старое? Тебе самому ещё не надоело? — Дин Му резко поднялся, сбросив со своих плеч изящные руки господина. — Пойду чистить пруд. Без крайней надобности меня не беспокоить.

Он развернулся и стремительно вышел из комнаты.

— Весело было? — Хань Хэн поправил воротник.

От пережитого напряжения его нижняя рубаха неприятно взмокла и липла к телу. Он небрежно швырнул веер на стол.

— Вовсе нет. Всё из-за тебя! Теперь мой Дин Му и разговаривать со мной не захочет, — капризно надулся Му Жань, запахивая одеяние поплотнее.

— Твои методы соблазнения никуда не годятся, — со вздохом покачал головой Хань Хэн.

Собеседник смерил его недоверчивым взглядом и наконец выдавил:

— Правда?

— Чистая правда, — Хань Хэн опустил пиалу и посерьёзnel. — Твой... Дин Му... — Хань Хэн поперхнулся собственными словами и поспешно прикрыл рот ладонью. — Он ведь совсем юнец. Когда ты так панибратски шутишь, ты лишь вредишь себе. Он думает, что тебе просто скучно и ты развлекаешься за его счёт.

Му Жань подался вперёд, вцепившись тонкими пальцами в край кушетки, и широко раскрыл глаза:

— И что же мне делать? Как доказать, что я искренне хочу, чтобы он мной овладел? Ой, то есть... что я искренне люблю его?

— Признайся ему со всей серьёзностью. Скажи прямо, что хочешь разделить с ним ложе, и посмотри на его реакцию.

Тот уныло ссутулился и откинулся назад:

— Говорил я. Не верит.

— И как же звучали твои слова?

Му Жань задумчиво коснулся пальцем подбородка и слегка приподнял голову с самым невинным видом. Каждое его движение дышало природной грацией и манящей истомой. Его хриплый голос, поначалу вызывавший лишь досаду, теперь, озарённый этой колдовской красотой, обретал странное, почти гипнотическое очарование.

— В мой день рождения ко мне пришло множество гостей. Я изрядно перебрал и под хмельком признался ему во всём. Мы ведь почти... почти разделили ложе! Но с тех пор Дин Му запретил мне даже прикасаться к вину. А до следующего праздника ещё больше полугода... Как жить в такой тоске?

— Алкоголь лишь развязывает язык трусам. Если ты не смеешь заговорить об этом на трезвую голову, с чего ему верить? Он решит, что ты перепутал его с кем-то другим или просто поддался пьяной похоти. И постой... «Гости»?

Хань Хэн с недоумением прищурился. Насколько он знал, Башня Слушания Лебедей никогда не была публичным домом.

— Ну да. Я ведь возглавил это место всего три года назад. А до того где только ни скитался — и в Обители пьяных грёз, и в Павильоне весенних ароматов, и в Саду томных встреч...

«Надо же, тёртый калач в любовных делах».

— Я вовсе не такой! — возмутился Му Жань, но гнев тут же сменился кокетливой, заговорщицкой улыбкой. — Но я вижу, что ты тоже толк в этом деле знаешь, потому и не скромничаю. Подскажи, как мне расшевелить этого упрянца?

— Как ты узнаешь мои мысли? — наконец задал вопрос Хань Хэн.

Он и раньше хотел спросить об этом, да и реакция Дин Му не укрылась от его внимания: слугу явно бесило, что господин с лёгкостью читает чужой разум.

К счастью, Хань Хэн умел держать лицо, и буря миновала — Дин Му просто решил, что хозяин несёт нелепицу. Но теперь это случилось во второй раз, и обошительный мужчина перед

ним даже не пытался скрыть свои способности.

Пока Хань Хэн пристально изучал собеседника, тот разглядывал его в ответ с не меньшим любопытством.

— Ты всё верно понял, только соображаешь туго, — вздохнул Му Жань с видом глубочайшей тоски. — Я ведь тоже своего рода уродец. Почти как Цзюнь Минъянь из Великой Лян. Только его дар величают благословением небес, а мой — дьявольским отродьем. Ах, какая горькая у меня доля...

— Ты открылся мне не просто ради совета о том, как затащить Дин Му в постель, верно?

Взгляд Хань Хэна стал холодным и пронзительным. Поняв, что притворство больше не работает, Му Жань мигом растерял всю свою напускную обиду. Он скрестил руки на груди и вальяжно откинулся на спинку кушетки:

— Скажем так: твоё появление напоминает мне об одном давнем знакомом. И чем сильнее поднимется муть в этом пруду, тем проще мне будет ловить в ней рыбу.

— И какое же у меня прошлое? — Хань Хэн сделал глоток, изо всех сил стараясь сохранить равнодушие и не думать о своей прежней жизни в современном мире.

Кто знает, насколько глубоко этот человек видит его душу? Впрочем, даже если он и разглядел истину, едва ли ему кто-то поверит. К тому же за спиной нынешнего Хань Хэна стоял сам Чжуан Лин, а значит, тронуть его без последствий никто бы не решился.

Эта мысль помогла ему окончательно вернуть самообладание.

Он снова посмотрел на Му Жаня. Теперь его безупречная красота больше не завораживала — она заставляла держать ухо востро.

«Никому не понравится иметь дело с тем, кто видит тебя насквозь».

— Знаю, характер у меня не сахар, — Му Жань грустно усмехнулся. — Но поверь, мы ещё пригодимся друг другу. Сегодня продолжать разговор нет смысла, ко мне должен прибыть гость. Очень важный гость, куда важнее тебя. Зачем ты пришёл, я уже понял. Как только освобожусь и вспомню о твоём деле, пришлю весточку.

«А если ты так и не вспомнишь?»

— В этом мире есть лишь одно сокровище, пред которым благоговеют все без исключения. И это звонкая монета. Раз уж ты сулишь мне выгоду, я точно о тебе не позабуду.

Хань Хэн возвращался в Сад Сюэ в глубоком раздумье.

Слуги Чжуан Лина доставили три кувшина изысканного вина. Желая разогнать нахлынувшую тоску, Хань Хэн велел налить себе чарку.

Стоявшая подле него Хэ Тао испуганно ахнула.

— Что стряслось?

— Молодой господин, это ведь не простое вино!

Посланник Чжуан Лина уже ушёл. Придавая подношению важности, он долго расхваливал напиток, но Хань Хэн тогда решил, что парень просто выпрашивает щедрые чаевые, и не придал его речам значения.

Хань Хэн взял массивный деревянный кубок — самый большой в наборе, заменявший ему чашу — и слегка покачал багровое зелье.

«И что тут такого? Обычное красное вино».

В своей прошлой жизни Хань Хэну на деловых ужинах частенько приходилось глушить и крепкий алкоголь, и сухое вино, так что этот напиток не показался ему чем-то из ряда вон выходящим.

— Это же вино Куньлунь! Во всей столице за год удаётся достать не больше сорока кувшинов, да и те наполовину уходят в императорские погреба. На рынке его не сыщешь ни за какие богатства. Один такой кувшин стоит не меньше тысячи лянов серебра!

Хань Хэн широко раскрыл глаза и зашёлся в судорожном кашле, едва не выплюнув драгоценный глоток обратно. Придя в себя, он поспешно приказал служанке:

— Быстрее прибери остальные два кувшина в надёжное место!

Взирая на уже вскрытую глиняную посудину, Хань Хэн ощутил острую, почти физическую боль от растраты. Интересно, примет ли кто-нибудь распечатанный кувшин? Впрочем, в его голове уже зрел коммерческий план. Едва Хэ Тао вернулась, он велел ей подыскать на днях несколько изящных и дорогих ваз.

Глупенькая служанка даже не догадывалась, что разум её молодого господина, поглощённого мыслями о наживе, лихорадочно вычислял, как повыгоднее распродать этот царский подарок по частям.

<http://bllate.org/book/20487/2178692>